

Полвека русской адвокатуры на службе экономики России

Пятьдесят лет после Великих реформ 1860–1870-х гг. и до переворота 1917 г. — так называемая либеральная эра, по ощущениям современников и в восприятии многих сегодняшних юристов, были лучшими временами для права во всей истории России.

И хотя демократическая конституция принята не была, а наша страна по-прежнему оставалась монархией, произошло освобождение крестьян от крепостной зависимости, были проведены судебная реформа с широким установлением суда присяжных, гласностью судебного разбирательства и созданием независимой профессиональной адвокатуры, земская реформа с обширным местным самоуправлением, военная реформа, реформа образования, была смягчена цензура и почти полностью отменены телесные наказания. В жизни русских людей произошли фундаментальные изменения.

В конце XIX — начале XX в. были опубликованы многочисленные воспоминания юристов о прошедшей эпохе реформ, роли адвокатуры и адвокатов в становлении правовой системы страны и их участии в обеспечении в России верховенства права.

Появились работы К.К. Арсеньева «Заметки о русской адвокатуре» (СПб., 1875), П.В. Макалинского «Санкт-Петербургская присяжная адвокатура» (СПб., 1889), Е.В. Васьковского «Организация адвокатуры» (СПб., 1893), Г.А. Джаншиева «Эпоха великих реформ» (М., 1896), М.М. Винавера «Очерки об адвокатуре» (СПб., 1902), А.Ф. Кони «Отцы и дети судебной реформы» (М., 1914), трехтомная «История русской адвокатуры» (М., 1914–1916. Автором тома 1 был И.В. Гессен, тома 2 и 3 вышли под редакцией М.Н. Гернета).

Пореформенные суды того времени стали местом реализации фундаментальных демократических правовых идей, в результате чего появились многочисленные сборники судебных речей известных адвокатов.

Все эти книги дали нам глубокое понимание становления и развития права того времени, в том числе создания суда присяжных, и посвящались судебным деятелям, присяжной адвокатуры и работе адвокатов-криминалистов.

И в это же самое время с установлением гражданских свобод и их правовой защитой, с раскрепощением созидательной энергии людей в России произошло бурное развитие промышленности и торговли, банковской и страховой систем.

Адвокатская корпорация не осталась в стороне от этого движения и была вовлечена в новую для нее деятельность по правовому обеспечению становления российской рыночной экономики.

Никогда ранее труд адвоката — не «славного уголовного защитника», криминалиста в судах уголовных, а «скромного цивилиста» в коммерческих судах, адвоката, занимающегося юрисконсультской работой на предприятиях того времени, — не описывался в книгах никем из современников.

Сегодня, когда в России возрождена рыночная система хозяйствования и появилась бизнес-адвокатура, которая оказывает правовую помощь в становлении российского бизнеса и рыночной открытой экономики, уникальная книга Б.Л. Гершуна «Воспоминания русского адвоката» об адвокате-цивилисте, находившемся в «самой гуще жизни, деятельно участвуя в развитии нарастающей в России промышленности», восполняет этот пробел нашей истории.

В книге содержатся новые, а иногда «хорошо забытые» сведения о нашей юридической истории, о коммерческих судах и об адвокатах-цивилистах, о появлении в России акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, о становлении правовой консультационной работы адвокатов на предприятиях того времени, об адвокатской корпорации, ее демократических принципах устройства, существовавших этических нормах взаимоотношений с доверителями и между адвокатами внутри корпорации, устанавливающих традиции работы адвокатуры.

И это очень важно, ведь современные российские адвокаты, несомненно, являются продолжателями и хранителями традиций, подходов и принципов той пореформенной присяжной адвокатуры. И не только адвокаты-криминалисты, но и, естественно, адвокаты цивилистического направления.

В книге описывается работа Правительствующего Сената — единого высшего государственного органа законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи. В частности, его Судебного департамента, куда автор поступил по окончании Санкт-Петербургского университета и к ведению которого были отнесены дела коммерческих судов.

Находясь в адвокатуре, в самой ее сердцевине, принимая участие в ее становлении и наблюдая за ее развитием, Б.Л. Гершун описывает практическую жизнь адвокатуры того времени, тонко подмечает складывающуюся правовую практику, возникновение множества обычаев, этических норм, которые показывают, как непохожи иногда статус, работа адвоката и жизнь адвокатской корпорации в то время и сегодня, как существенно изменились некоторые принципы адвокатской корпорации.

Так, Б.Л. Гершун пишет, что имел намерение, а главное, мог бы как адвокат, имея за плечами огромный юридический опыт, баллотироваться

в сенаторы Судебного департамента — сегодняшние судьи Верховного Суда. Далее он описывает историю судьи Судебного департамента Сената, чей сын вступил в адвокатуру и «часто выступал в Сенате, но, конечно, не в заседаниях, в которых участвовал его отец».

Оба эти примера, о которых в воспоминаниях пишется как о правовой норме того времени, разительно отличаются от сложившейся практики сегодняшней правовой России. В нынешнем правовом пространстве нашей страны адвокат почти никогда не может стать судьей. Даже если у судьи адвокат родственник, это для него «черная метка» и основание к недопуску юриста в судьи. А уж участвовать в судебных процессах, естественно, не в одном деле, но в одном суде адвокату-сыну, где отец судья, — немыслимая сегодня ситуация.

Об этом с грустью и желанием изменить существующее положение вещей размышляет адвокатская корпорация России.

Б.Л. Гершун живо описывает работу Санкт-Петербургского коммерческого суда, куда входили не только коронные судьи, но и выборные от купечества, где рассматривались «дела торгового характера, фрахтовые и вексельные, а также дела о торговой несостоятельности». Интересно, что председатель коммерческого суда и его заместители избирались купечеством из юристов, выставлявших свои кандидатуры, а выборы подлежали утверждению министром юстиции. Часто свои кандидатуры в судьи коммерческого суда выставляли и адвокаты.

Автор увлекательно повествует о том, как он начинал и развивал собственную цивилистическую адвокатскую практику: «К апрелю 1900 года, тридцати лет отроду, я был сотрудником Герарда и юрисконсультom пяти акционерных обществ («Сталь», Франко-русское цементное общество, «Паровоз», «Гелиос» и «Унион»)). Это была практическая деятельность по осуществлению разработки структуры разнообразных сделок, в том числе кредитных, вексельных, по приобретению земельных участков для строительства заводов с публичных торгов и получение таких земель у крестьян олонецких деревень путем «приговоров» на крестьянских сходах, участие в делах о несостоятельности, где шла речь о сокрытии активов, уничтожении бухгалтерской и составлении подложной отчетности, подготовка мировых соглашений, межевые дела и многом другом, чем полна предпринимательская жизнь.

В описании случаев из практики поражает то, что рассказы о хозяйственной деятельности, казалось бы, о сухих и неинтересных случаях невыполнения договорных обязательств, о банкротстве, о вексельных исках, о продаже имущества, о наследственных и страховых делах читаются не менее увлекательно, чем примеры из уголовных дел, которые обычно захватывают своим острым сюжетом, человеческими страстями и развязкой в приговоре.

Интересно отметить, что в то время не существовало необъяснимо-сегодняшнего запрета на совмещение статуса адвоката с практикой юрисконсультства в коммерческих предприятиях. Сегодня адвокатская корпорация в рамках самоограничения считает, что адвокат в силу подчиненности дирекции не сможет быть независимым правовым советником.

А вот как Б.Л. Гершун описывает решение этого вопроса, которое, конечно же, актуально и на сегодняшний день: нужно придерживаться правила принимать исключительно дела, «имеющие шансы на выигрыш, и дела в моральном отношении безусловно чистые». И далее: «юрисконсульт должен всегда сохранять свою самостоятельность и достоинство. Он не слуга и не прислужник дирекции и не должен беспрекословно исполнять все ее требования; он должен давать и писать свои заключения, применяясь не к желаниям дирекции, а к требованиям закона, чести и приличия и к интересам самого предприятия, а не отдельных его директоров, владельцев или участников. Если поручаемое судебное дело юрисконсульт считает безнадежным или неправым, он должен иметь мужество отказаться от его ведения. Юрисконсульт служит предприятию, но не должен прислуживаться дирекции».

Эта мысль весьма поучительна и предопределяет положительный ответ на вопрос: может ли адвокат быть наемным юрисконсультom на предприятии?

Интересно, что Б.Л. Гершун в воспоминаниях, рассказывая о предпринимательской деятельности и деловых кругах того времени, не упоминает такого явления, как уголовное преследование купцов, банкиров, промышленников со стороны правоохранителей, используемое в современной России как инструмент при разделе собственности, когда гражданско-правовые разногласия между предпринимателями искусственно переводятся в уголовно-правовую плоскость для оказания давления при решении споров. Видимо, это означает, что в правовом пространстве России того времени была найдена модель защиты предпринимательской деятельности и разрешения споров не через ее криминализацию и возможность вмешательства правоохранителей, а цивилизованным гражданско-правовым путем.

Книга содержит прекрасные воспоминания об адвокатуре и адвокатах Санкт-Петербурга как крупнейшего центра адвокатской практики, поскольку в столицу стекались дела торговых и промышленных компаний со всей России.

Б.Л. Гершун приводит замечательные примеры из жизни и дает очень интересные характеристики адвокатов-цивилистов и криминалистов — «героев петербургской и московской адвокатуры» и многих других лиц адвокатского сословия, о которых, как он пишет, «история адвокатуры не вспомнит, но они составляли тот железный и крепкий фонд сословия,

который давал ему стойкость и вызывал к нему доверие, которым адвокатура — несмотря на все нападки — все же пользовалась».

В книге ярко описана сословная жизнь адвокатов того времени, с совместными обедами и речами знаменитых адвокатов, на них сказанные. Тогда, как и отчасти теперь, существовал обычай на таких обедах избранному или переизбранному председателю Совета говорить речь. Слово предоставлялось и впервые избранным членам Совета, в котором они излагали свою «программу» участия в органах адвокатского самоуправления.

Исследуя жизнь адвокатской корпорации, Б.Л. Гершун подмечает, что в отличие от бюрократического устройства, в интересах поддержания демократии председательствующим на собрании адвокатов никогда не мог быть председатель или члены Совета. Каждый адвокат, имея собственную программу, мог выставить свою кандидатуру в Совет или баллотироваться на должность председателя или его заместителя. Не только члены Совета, но и председатель и его товарищ (заместитель) избирались прямым тайным голосованием всеми адвокатами и выбывали по очереди из состава Совета, чтобы выборные члены Совета не «бронзовели» и не становились чиновниками, а органы самоуправления адвокатуры не превращались бы в подобие Министерства юстиции.

Вот как описываются им выборы в Совет: «приблизительно с 1908—1910 года я имел постоянно при выборах в Совет свой «ящик». По установленному порядку сначала намечались кандидаты. Получивший не менее десяти голосов считался кандидатом и имел на выборах ящик. Баллотировка происходила шарами или, вернее, орехами. У каждого ящика стоял член Совета, выдававший подходившим по очереди баллотирующим шар (орех), который надо было класть либо вправо (за), либо влево (против избрания). Я никогда не снимал своей кандидатуры, считая это недопустимым: нельзя без уважительной причины уклоняться от словесных должностей. Это и не деликатно по отношению к тем нескольким десяткам коллег, которые намечали меня кандидатом. Я знал, что сразу редко проходили в Совет, что надо несколько лет «проваливаться». Правда, были кандидаты, ящики которых, я помню, во все время моего пребывания в сословии никогда не получавшие обязательного простого большинства всех голосующих».

Не все эти простые и демократические принципы вошли в арсенал сегодняшней адвокатуры и стали неотъемлемой частью корпоративной жизни современного адвокатского сообщества.

Б.Л. Гершун был избран в Совет Санкт-Петербургской палаты адвокатов в драматическом 1917 г. и описал последние часы петербургской адвокатуры после ее ликвидации, провозглашенной первым советским законодательным актом — Декретом о суде № 1, оставив свои воспоминания

в очерке «Последний год Петроградской адвокатуры» о жизни присяжных поверенных в первый год советской власти, ставший и последним годом существования адвокатуры как сословия.

Глубочайший интерес и неподдельные переживания вызывает описание им нескольких последних собраний адвокатов в 1918 г., в том числе одного из них, совместного, «в котором слились судьи, прокуроры и адвокаты и явили одну судебную семью... сближенные общою судьбой, протянув друг другу руку», и последнего решения Совета, посчитавшего в условиях советской власти «дальнейшее отправление присяжными поверенными и их помощниками своей профессиональной деятельности невозможным и, следовательно, и самую деятельность Совета прекратившейся».

Замечательно, что с изданием «Воспоминаний...» сбылась мечта автора, который надеялся, что его «труд, «старым беременный» (мое имя для будущего ничего не будет значить), послужит материалом для того коллеги, который извлечет эту тетрадь из Русского заграничного архива и воспользуется имеющимся в ней материалом для своего труда о прошлой адвокатуре и о том, какой она должна быть в будущем. Будущей русской адвокатуре я и отдаю эти записи».

Адвокатура России с благодарностью их принимает.

От всей адвокатской корпорации хочется поблагодарить историка О.В. Будницкого, чьими усилиями «Воспоминания русского адвоката», написанные присяжным поверенным Б.Л. Гершуном в 1936–1939 гг. и хранящиеся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, были введены в оборот и теперь составят золотой фонд мемуарной прозы о русской адвокатуре.

*Президент Адвокатской фирмы «ЮСТИНА»
В.Н. Буробин*

Борис Львович Гершун и его «Воспоминания русского адвоката»

Борис Львович Гершун (1870–1954), бесспорно, принадлежал к числу выдающихся русских юристов и общественных деятелей. Его имя, столь известное среди российских юристов начала XX века, и в особенности среди членов русской «адвокатуры в изгнании», не на слуху у более широкой, даже просвещенной публики. Объясняется это, очевидно, тем, что Гершун был цивилистом — занимался гражданскими, а не уголовными или политическими делами, привлекающими обычно больший интерес. Он был членом партии кадетов, однако не был особенно активен в политике. Его профессиональный авторитет, так же как мнение о его человеческих качествах, были весьма высоки среди коллег. Не случайно они избирали его сначала членом Совета присяжных поверенных в Петрограде, а затем его председателем. Последним председателем — Совет просуществовал год после прихода к власти большевиков и был распущен за бессмысленность его существования в условиях фактической замены законов «революционным правосознанием». В эмиграции коллеги избирали Гершуна сначала председателем Союза русских присяжных поверенных в Германии, а затем, после его переезда во Францию, — председателем Объединения русских адвокатов в этой стране. «Воспоминания русского адвоката», написанные Гершуном в эмиграции, на мой взгляд, сопоставимы со знаменитыми мемуарами А.Ф. Кони («На жизненном пути»), а по остроте и яркости некоторых характеристик их превосходят. Между тем из этого объемистого текста (рукопись — свыше 800 страниц убористым почерком) увидел свет лишь небольшой фрагмент¹. Воспоминания Бориса Гершуна не только уникальный источник по истории русского суда, русской адвокатуры, быта и нравов русского общества конца XIX — начала XX века — это весьма увлекательное чтение. Ну а галерея «портретов» российских адвокатов, судебных деятелей, да и просто видных фигур, от великого князя Андрея Владимировича, чьим юрисконсультом был Гершун, до знаменитого авантюриста «Митьки» Рубинштейна, «портретов», очень далеких от иконописных, не имеет себе равных.

Ниже — об основных вехах жизненного пути Бориса Гершуна, пунктиром — о дореволюционном периоде, ибо о многом говорится в публикуемых мемуарах, и нет смысла их дублировать, несколько подробнее — о его

¹ Гершун Б.Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 134–152.

делах и днях в эмиграции. Разумеется, эта статья, предваряющая публикацию воспоминаний Гершуна, не заменяет его научную биографию, которую Гершун, на мой взгляд, вполне заслуживает.

Если говорить о понятии «русский еврей», то Гершун был, вероятно, одним из наиболее характерных представителей этого своеобразного племени. Хотя он родился (Соколки) и вырос (Вильно) в черте еврейской оседлости, но был человеком русской культуры: его семья далеко отошла от традиционного еврейства, и еще дед по отцовской линии, оптовый торговец сукном, отдал своих старших сыновей, втайне от религиозной жены, в русскую гимназию. Бедняжка думала, что дети ходят в хедер, а они переодевались в гимназические мундиры в доме знакомых и шли совсем в другое учебное заведение. Затем отец и двое дядей Бориса отправились учиться в Московский университет, на медицинский факультет. Дед со стороны матери — оптовый торговец лесом — отправлял своих детей учиться в Кенигсберг. Там София Шерешевская, будущая Гершун, окончила «средне-учебное заведение». Она говорила по-немецки и по-французски и русскому языку научилась только после замужества, однако никогда им хорошо не владела: с детьми говорила и переписывалась по-немецки¹.

По словам Бориса Гершуна, в его семье «не велась кошерная кухня», он не помнил родителей, идущими в синагогу, «еврейские праздники, даже Йом-кипур, не отличались от будних дней, — зато праздновалось Рождество, устанавливалась елка с подарками, на Пасху появлялись на столе рядом с мацей и изюмным вином... куличи, пасха, ветчина». В субботу доктор Гершун, ссылаясь на срочность врачебных визитов, разъезжал по больным на извозчике так же, как и в будние дни. Домашним языком, из-за матери, был немецкий, в некоторые дни говорили по-французски. Детям строго запрещалось говорить на «жаргоне», т.е. идише, «разговорном языке всей Вильны». В результате, живя в Вильне, Борис не знал идиша и так никогда и не научился на нем говорить.

Отец Бориса, Лев Яковлевич Гершун (1836–1898), начавший профессиональную карьеру в качестве уездного врача в Соколках, в 1877 г. получил назначение ординатором городской еврейской больницы Вильно; в 1891 г. он стал старшим врачом этой больницы, с производством в статские советники. В 1888 г. Борис Гершун с серебряной медалью окончил 1-ю виленскую гимназию. В том же году поступил в Петербургский университет по юридическому факультету. Для еврея, даже «из хорошей семьи», это было непросто ввиду установленной за год до этого процентной нормы для евреев. В Петербургский университет могло быть

¹ Здесь и далее сведения, если это специально не оговорено, почерпнуты из «Воспоминаний русского адвоката» Б.Л. Гершуна, публикуемых в этом издании.

принято не более 3% евреев. Помогли хлопоты отца, который все-таки был почти «штатским генералом» (чин статского советника соответствовал чину бригадира, правда, к тому времени уже упраздненного, в армии или должности вице-директора департамента или вице-губернатора в гражданской службе). Гершуна приняли в университет по приказу министра народного просвещения И.Д. Делянова. Того самого, распоряжением которого была введена процентная норма. Окончил Гершун университет в 1894 г. с дипломом 1-й степени¹.

Старший брат Б.Л. Гершуна, Александр Львович Гершун (1868–1915), также выпускник Петербургского университета, но по физико-математическому факультету, был ученым-физиком и инженером, крупным специалистом в области прикладной оптики, электромагнетизма, радиоактивности, основателем российской оптической промышленности.

После окончания университета по заключению выдающегося юриста – профессора Н.Л. Дювернуа – Б.Л. Гершун «был признан заслуживающим оставления при университете по кафедре гражданского права для подготовки к ученому званию». Однако юного юриста влекла практическая деятельность. Он поступил на службу в 4-й департамент Правительствующего Сената на должность помощника обер-секретаря и провел в Сенате в этом качестве 15 месяцев. Здесь Гершун проявил себя как толковый юрист и набрался опыта. Особенно он отличился при рассмотрении дела о несостоятельности сибирской купчихи Варыпаевой. Безнадёжно запутанное дело лежало в канцелярии уже 15 лет и составляло 20 томов! Гершуна освободили от всяких других обязанностей на месяц, и он сумел-таки разобраться в деле и подготовить проект сенатского решения. Первоприсутствующий оценил мастерство начинающего коллеги и предложил выдать ему награду. Обер-прокурор 4-го департамента П.П. Кобылинский назначил в качестве премии небольшую по тем временам сумму – 300 рублей, однако заявил, по воспоминаниям Гершуна: «Но я вижу Вас насквозь: Вы здесь не останетесь, Вас, несомненно, потянет в адвокатуру, и Вы будете правы. Получив 300 рублей, Вы немедленно удерете. Нет уж, голубчик, будете получать эти 300 рублей по 25 рублей в месяц»². Однако вскоре, осенью 1895 г., сам же Кобылинский рекомендовал Гершуна своему приятелю, известному адвокату В.Н. Герарду.

После недолгой службы в Сенате, а затем работы помощником В.Н. Герарда в 1899 г. Гершун отправился в самостоятельное плавание. Его карьера была блистательной. Гершун стал присяжным поверенным

¹ ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1. Автобиография Б.Л. Гершуна, написанная для Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, 1934 г.

² *Гершун Б.Л.* Воспоминания адвоката. С. 136.

Санкт-Петербургской судебной палаты, в 1906–1917 гг. был присяжным стряпчим¹ Санкт-Петербургского коммерческого суда. Он был юрисконсультом множества торгово-промышленных предприятий, а также великих князей Бориса, Кирилла и Андрея Владимировичей. К 1917 г. Гершун владел 17 юрисконсульствами; входил в правления бельгийского Общества доменных печей и фабрик на Ольховой, Общества для постройки экономических путей сообщения и механических приспособлений «Артур Кеппель (Коппель)», Русского общества полевых и узкоколейных путей «Паровоз» и, очевидно, был небедным человеком. Гершун занимался также благотворительной деятельностью: оказывал бесплатную юридическую помощь, был казначеем Общества защиты детей от жестокого обращения. Его профессиональные и человеческие качества нашли признание у коллег: он руководил конференцией помощников присяжных поверенных, был членом Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, после Февральской революции был избран его председателем².

«Момент истины» наступил для присяжных поверенных после большевистского переворота. В итоге адвокаты, по крайней мере большинство из них, решили не становиться советскими «защитниками», наличие университетского диплома у которых власть поначалу не считала обязательным. Понятно, что Гершун был несовместим с властью, упразднившей русскую присяжную адвокатуру³. В октябре 1918 г. он уехал из Петрограда в Вильно, а в конце года перебрался в Берлин, чтобы провести там последующие 15 лет своей жизни⁴.

В Берлине у Гершуна была солидная практика, которая все же не могла идти в сравнение с практикой петербургского периода. Среди его клиентов были самые разные люди: от торговцев А.Г. Айзенштадта и М.Л. Гешеля, между которыми возникла тяжба о расчетах при продаже бочек табаку,

¹ Присяжный стряпчий – в Российской империи поверенный по делам частных лиц в коммерческом суде.

² Гершун Борис Львович // *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 235.

³ Ликвидация адвокатуры была провозглашена первым советским законодательным актом о суде – Декретом о суде № 1, принятым 22 ноября 1917 г. О жизни присяжных поверенных в первый год советской власти, ставший последним годом существования адвокатуры как сословия, т.е. профессиональной общности, см. воспоминания Б.Л. Гершуна «Последний год Петроградской адвокатуры» (ГА РФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1в., Л. 417). См. также: *Гершун Б.Л.* Воспоминания адвоката. С. 147–152.

⁴ В 1920 г. Гершун принял приглашение стать юрисконсультом русского Балтийского банка в Копенгагене. Однако уже весной 1921 г. банк, в том числе по его настоянию, был ликвидирован, и Гершун вернулся в Берлин. По-видимому, он изначально не слишком верил в надежность банка и оставил семью в Берлине (ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3).

до известного издателя З.И. Гржебина¹ и графини Брасовой, вдовы великого князя Михаила Александровича. Графиня унаследовала лес, принадлежавший некогда великому князю, а Гершун помогал ей взыскать деньги с неких немецких купцов, эксплуатировавших лес, оказавшийся в период Первой мировой войны на оккупированной германскими войсками территории². Кроме практики Гершун занимался также и теорией — опубликовал несколько статей на юридические темы в германских специальных юридических изданиях.

Гершун не был особенно активен в эмигрантской политике, хотя входил в берлинскую группу Партии народной свободы (кадетов). Большую часть времени Гершун уделял общественной, нежели политической деятельности, в особенности защите интересов русских беженцев и объединению (в том числе и с целью защиты интересов беженцев) русских юристов за границей. В июне 1920-го он был инициатором, совместно с И.В. Гессеном, И.М. Рабиновичем и М.Д. Ратнером, создания Союза русских присяжных поверенных в Германии. В 1921 г. Гершун был избран членом Совета русских общественных организаций в Берлине, в 1923-м — членом правления Общества помощи русским гражданам в Германии, в 1925 г. был кооптирован в состав постоянного русского третейского суда в Берлине (предназначенного для урегулирования споров между русскими эмигрантами в досудебном порядке). Кроме того, он был председателем берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей, инициатором и одним из организаторов Съезда русских юристов за границей (1922), членом Союза русских евреев, германского отделения Американского фонда помощи русским литераторам и ученым, Общества друзей русской печати. По «еврейской линии» Гершун вошел также в правление Союза защиты детей русских евреев в Германии³.

В эмиграции Гершун, человек явно нерелигиозный, выросший в семье, в которой «к вопросам национальным и религиозным относились без всякого интереса», пересмотрел отношение к собственному еврейству. Вскоре после окончания университета он крестился, но вовсе не ради карьеры. Это было условием женитьбы на горячо им любимой с детства кузине, которая «уже родилась православной (ее родители крестились в молодости)». Кузина была еще подростком, но в том, что он на ней женится,

¹ Гершуну пришлось вести переговоры с кредиторами Гржебина и заниматься ликвидацией этого некогда крупнейшего эмигрантского издательства. См. об этом подробнее: Янгиров Р. Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // Диаспора: Новые материалы. Т. 6. Париж; СПб., 2004. С. 571–573.

² Материалы более 400 дел, которые Гершун вел в период эмиграции в Германии, были переданы им в РЗИА и находятся сейчас в его личном фонде в ГАРФ: Ф. Р-5986.

³ Серков А.И. Указ. соч. С. 235.

Борис не сомневался (в чем не ошибся), так что крестился загодя. Тем паче, что это облегчало профессиональную карьеру. «Можно было принять протестантство, но пастор требовал, чтобы я в течение месяца занимался у него так называемым "законом Божиим" и "готовился" к крещению. Лицемерить мне не улыбалось ради того, что я считал просто формальностью. Священник отец Слепян (сам происходивший из евреев) согласился без всяких формальностей и "обучения" выдать мне метрику о крещении». Очевидно, крестил Гершуна Сергей (при рождении Израиль) Слепян, популярный в то время в Петербурге священник.

«Этот акт, который *теперь* я бы ни за что не совершил, — писал Гершун в 1936 г., — я тогда совершил почти машинально, как машинально устраняют ветку, преграждающую дорогу. Со временем — с возрастом — во мне проснулось и зрело сознание моей принадлежности к еврейству; это сознание проявилось с большей силой в эмиграции. До того я был так занят моей профессиональной работой, так захвачен сословными интересами, одно время (1904—1905) так увлечен общероссийскими проблемами, что еврейский вопрос оказался вне моих повседневных интересов. Я никогда не скрывал своего еврейства, называл себя евреем, в анкетах писал: русский подданный, национальность — еврей, вероисповедание — православное. <...> когда я попал в эмиграцию, я сбросил с себя то, что я так несознательно набросил на свою жизнь и что считал и считаю крупнейшим своим прегрешением. Я так же несознательно, как при принятии крещения, с первого дня эмиграции, не задумываясь, записал себя евреем, а жену, как она того желала, православной». Сын и дочь Гершуна, даже не зная о решении отца, при поступлении в германский университет записали себя иудеями.

После прихода к власти нацистов Гершун уехал во Францию и обосновался в Париже. Он вел обширную переписку с коллегами, как еще остававшимися в Германии, так и перебравшимися в другие европейские страны или за океан. Пожалуй, наиболее интенсивный и содержательный эпистолярный диалог завязался у Гершуна с его младшим товарищем по адвокатскому цеху Алексеем Александровичем Гольденвейзером (1890—1979), в декабре 1937 г. уехавшим в США. Откликаясь на послание Гольденвейзера, посвященное его адаптации к жизни в другой стране, Гершун писал:

«Итак, Вы в третий раз строите свою жизнь. Такова наша судьба. Жить две, а то и три жизни. Если бы я был моложе, я бы тоже оставил Европу. Здесь повсюду скверно и будущее чревато опасностями»¹.

¹ Гершун Б.Л. — Гольденвейзеру А.А., Париж, 25 декабря 1938 // В движении: Русские еврей-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны / Сост. и вступ. ст. О.В. Будницкого. М., 2020. С. 91.

Далеко не юному Гершуну также пришлось начинать третью по счету жизнь, после российской и германской. «Старость заключается в том, — писал он в мае 1938 г., — что человек для окружающих часто умирает раньше, чем наступает его физическая кончина... И комизм заключается в том, что сошедший со сцены внутри еще считает себя актером, а сцены-то уже давно нет»¹.

Однако «на сцене», во всяком случае, эмигрантской, Гершуну еще предстояло сыграть немаловажную роль, и не одну. Во Франции он тоже довольно быстро занял видное положение в профессиональном сообществе: в 1939 г. был избран товарищем (заместителем) председателя Объединения русских адвокатов во Франции. Председателем был Н.В. Тесленко, в прошлом депутат Государственной думы. В Париже Гершун стал принимать самое живое участие в работе Очага для евреев-беженцев, основанного Т.И. Левиной, а после ее эмиграции в США в 1940 г. стал руководителем Очага².

Гершун входил еще в одно эмигрантское сообщество — масонскую ложу «Свободная Россия» (достоимый мастер в 1939 и 1949 гг.). Он принимал участие в посвящении в масоны писателя Романа Гуля, о чем тот рассказал в своих воспоминаниях: «После ритуала посвящения пошли в другую комнату разделить братскую "агапу", то есть братскую трапезу, застолье. Тут уж все братья сняли ленты и передники и уселись за сервированный длинный стол. И за едой (хорошей) начался самый непринужденный, обычный разговор. И это было приятное общество культурных, интеллигентных людей»³. Это, пожалуй, главное, что можно сказать о масонах, во всяком случае, об их парижском клубе. Приписываемая нередко в литературе масонам важная политическая роль, на мой взгляд, сколько-нибудь серьезного подтверждения в источниках не находит.

Вернемся, однако, к эмигрантской переписке.

«Как Вам должны казаться теперь далекими наши европейские дела! Рад за Вас, что Вы из этой трясины выбрались. По-моему, еще немало пройдет времени, пока здесь наладятся дела. Еще много волнений и потрясений придется пережить европейцам», — пророчески писал Гершун Гольденвейзеру в мае 1938 г.⁴

Впрочем, чтобы предсказать европейцам потрясения, не надо было быть пророком.

¹ Гершун Б.Л. — Гольденвейзеру А.А., Париж, 15 мая 1938 // Там же. С. 79–80.

² О жизни Б.Л. Гершуна во Франции см. подробнее: *Зеелер В.Ф.* Памяти хорошего человека // *Русская мысль*. 1954. 28 июня (№ 679). С. 4.

³ *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001. С. 212.

⁴ Гершун Б.Л. — Гольденвейзеру А.А., Париж, 15 мая 1938 // *В движении...* С. 81.

Бывшие берлинцы пристально следили за происходящим в Германии. Гершун, упоминая об изменении германских законов, иронически замечал: «там идет усердный пересмотр гражданских законов: искоренение либеральных иудо-масонских правовых идей»¹.

Гольденвейзер предрекал: «...нынешнее положение в центральной Европе закончится либо дипломатической победой Германии, либо всеобщей войной, которая неминуемо должна повести к всеобщему поражению, обнищанию и вырождению»². Нельзя отказать Гольденвейзеру в проникательности в оценке ближайших перспектив Европы. Вот только сбылись оба его прогноза – и о дипломатической победе Германии, и о войне. Дипломатическая победа Германии, получившей по мюнхенскому соглашению Судетскую область, оказалась не альтернативой войне, а ступенькой к ней.

Гершун писал о Париже в дни чехословацкого (мюнхенского) кризиса:

«Париж в эти дни опустел. В доме, где мы жили, остались только некоторые мужчины и прислуга. На улице видны были такси и частные автомобили, нагруженные людьми и вещами: все бежало из Парижа. Деловая жизнь остановилась. Картина незабываемая: предвкушение будущей войны. Мобилизация проходила здесь – в Париже – не особенно гладко. Люди оставались кое-где по три дня без крова и пищи. И вдруг... мир. Истерическая радость населения, считавшего войну неизбежной, в сущности начавшейся – благословения, посылаемые Чемберлену, который на несколько дней стал героем. Затем... похмелье. Сознание, что и Франция, и Англия и главным образом Чехословакия стали жертвами блефа и шантажа. И радость омрачилась сознанием стыда и обиды. Теперь Франция не поддастся блефу, вооружается вовсю, но к войне еще далеко не готова. Политика Чемберлена была, конечно, мудра, но есть моменты, когда ум ценнее мудрости. Во Франции молодежь была за войну... А победителем вышел Гитлер, воссоздатель Великой Германии, и это так, как бы англичане и французы ни кусали бы себе пальцы.

А то, что теперь рассказывают беженцы из Германии и Австрии, так ужасно, так невероятно, что не допускаешь мысли, что это возможно...

Вот Вам бледная картина тех переживаний, которые нам выпали и выпадают на долю. И каждый день приносит какую-нибудь новую гадость с той стороны Рейна»³.

Адвокатов, наряду с общими для беженцев проблемами, волновала и еще одна, специфическая: чем жить? В большинстве своем они были людьми немолодыми, даже один из самых «юных», Гольденвейзер, при-

¹ Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., Париж, 15 мая 1938 // В движении... С. 80.

² Гольденвейзер А.А. – Гершуну Б.Л., 11 августа 1938 // В движении... С. 86.

³ Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 25 декабря 1938 // Там же. С. 90–91.